

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2021.15.59.037

Местное самоуправление и поправки к Конституции: к вопросу о содержании реформы

Тарабара Дмитрий Олегович

Студент,
Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
634050, Российская Федерация, Томск, пр. Ленина, 36;
e-mail: tarabara@list.ru

Аннотация

В рамках конституционной реформы 2020 года в главу восьмую Конституции Российской Федерации были внесены многочисленные изменения, что, на первый взгляд, дает основание говорить о качественно новом этапе муниципальной реформы в России. Тем не менее анализ правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и положений законодательства «дореформенного» периода, а также фактических тенденций развития данного института до 2020 года: расширение участия органов государственной власти в назначении на должность должностных лиц местного самоуправления, систематическая зависимость местных бюджетов от межбюджетных трансфертов, активная передача на муниципальный уровень государственных полномочий и т.д. — приводит к противоположным выводам. Все значимые поправки к Конституции, касающиеся правовой природы местного самоуправления, его территориальной, организационной и финансовой основ, лишь воспроизводят ранее сложившиеся подходы и практики. Программное начало в них практически полностью отсутствует, что позволяет сделать вывод о вероятном отсутствии принципиальных перемен в правовом регулировании рассматриваемого института в ближайшем будущем.

Для цитирования в научных исследованиях

Тарабара Д.О. Местное самоуправление и поправки к Конституции: к вопросу о содержании реформы // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 10А. С. 291-299. DOI: 10.34670/AR.2021.15.59.037

Ключевые слова

Конституция, реформа, местное самоуправление, государство, публичная власть, местный бюджет.

Введение

Масштабность конституционной реформы 2020 года, по итогам которой в каждую из глав с 3 по 8 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция) были внесены многочисленные изменения, позволяет многим ученым небезосновательно говорить о новом этапе конституционного развития России. Действительно, отрицать сам факт большого количества нововведений невозможно – гораздо сложнее обстоят дела с их качественным содержанием. Чем стала для России реформа, градус дискуссий вокруг которой остается высоким уже больше года: новой вехой в истории отечественного конституционализма или фиксацией уже сложившегося к моменту ее проведения положения дел? Попробуем рассмотреть ее телеологический аспект применительно к поправкам к главе 8 Конституции, посвященным институту местного самоуправления.

Основная часть

Среди соответствующих нововведений основным, очевидно, выступает положение о единой системе публичной власти, включающей в себя как органы государственной власти, так и органы местного самоуправления (ч. 3 ст. 132 Конституции РФ). Данное положение действительно отсутствовало в отечественном законодательстве до 2020 года, однако выраженная в нем концепция была озвучена на уровне высших органов государственной власти еще в конце 1990-х годов. Начиная с этого времени Конституционный Суд Российской Федерации последовательно отстаивал правовую позицию о том, что публичная власть может быть и муниципальной, что по своей правовой природе местное самоуправление является особой формой осуществления публичной власти на местах, что территориальными уровнями публичной власти выступают Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и местное самоуправление и т.д. В очередной раз Суд, ожидаемо, подтвердил ее в Заключении от № 1-3 от 16 марта 2020 года, отметив при этом, что под единством системы публичной власти понимается прежде всего именно функциональное единство. Соответствующая позиция утвердилась и в науке конституционного права – например, В. Е. Чиркин характеризовал местное самоуправление как негосударственную муниципальную публичную власть [Чиркин, 2009, 13], а С.А. Авакьян за два года до внесения соответствующих изменений в Конституцию утверждал, что «сегодня отнесение муниципальной власти к публичной власти никем не оспаривается» [Авакьян, 2018, 10]. По большому счету, можно констатировать, что доктринальное обоснование рассматриваемой реформы сформировалось задолго до 2020 года. Исходя из этого, логично предположить, что и правовое регулирование местного самоуправления, и практика муниципального строительства развивались в русле озвученной концепции до ее непосредственного закрепления в тексте основного закона. Соответственно, уже на этом моменте возникает основание предполагать, что и остальные конституционные новеллы носят лишь производный от сложившейся практики характер. Перейдем же непосредственно к анализу каждой из них.

В ч. 1 ст. 131 Конституции нашел отражение подход к территориальной основе местного самоуправления, существующий с момента принятия действующего Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее так же ФЗ-131) – перечисление в федеральном законе исчерпывающего перечня разновидностей муниципальных образований. При этом закрепленное положение: «Местное самоуправление

осуществляется в муниципальных образованиях, виды которых устанавливаются федеральным законом» – не ограничивает законодателя в возможностях более гибкого, вариативного урегулирования данного вопроса, например, посредством увеличения количества возможных форм муниципальных образований. Примером подобного можно назвать создание в 2014 году новой разновидности муниципальных образований – городской округ с внутригородским делением – которая так и не получила широкого распространения, однако продолжает сохранять самостоятельный статус.

Введенная ч. 3 ст. 131 Конституции РФ, допускающая возможность осуществления публичной власти на территориях городов федерального значения, административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации и на других территориях с учетом особенностей, установленных федеральным законом, тоже лишь закрепляет сложившуюся в законодательстве практику. ФЗ-131 на момент принятия поправок уже содержал широкий перечень территорий, организация местного самоуправления на которых осуществлялась с определенными особенностями: города федерального значения, ЗАТО, наукограды, приграничные территории, моногорода и т.д.

Не содержит чего-то принципиально нового и положение о том, что «структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно в соответствии с общими принципами организации местного самоуправления в Российской Федерации, установленными федеральным законом» – оно практически дословно воспроизводит позицию Конституционного Суда Российской Федерации, выраженную в Постановлении от 01.12.2015 №30-П. При этом в указанном Постановлении Суд не ограничился лишь констатацией данного факта. Во-первых, признавалось допустимым установление федеральным законом единственного варианта формирования тех или иных органов местного самоуправления (курс на централизацию в данном вопросе просматривался и в более ранних решениях Конституционного Суда). Во-вторых, была признана не противоречащей Конституции практика закрепления законами субъектов Российской Федерации единственно возможного варианта:

- порядка формирования представительных органов – для муниципальных районов, городских округов с внутригородским делением;
- порядка избрания и места в структуре органов местного самоуправления глав муниципальных образований – для муниципальных районов, городских округов, внутригородских районов, а также для определенных городских поселений.

Положение о возможности органов государственной власти (без уточнения уровня – следовательно, это могут быть и федеральные, и региональные органы [Бабичев, 2021, 53]) участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления (ч. 1.1 ст. 131 Конституции) было закреплено в самой первой редакции ФЗ-131 (ч. 4 ст. 34). Более того, с течением времени количество таких возможностей только увеличилось. В данной работе представляется уместным рассмотреть только правовые механизмы участия органов государственной власти в назначении на должность должностных лиц местного самоуправления, поскольку освобождение последних от должности в порядке статей 74 и 74.1 ФЗ-131 по существу является мерой конституционно-правовой ответственности, т.е. имеет совершенно иную правовую природу. В настоящее время их всего два:

- избрание главы муниципального образования представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса (ч. 2.1 ст. 36);

– назначение лица на должность главы местной администрации представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса (ч. 5 ст. 37).

В обоих случаях участие государственных органов проявляется на этапе формирования конкурсных комиссий – половина их членов назначается высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (другая половина – представительным органом муниципального образования). Стоит отметить, что это касается только муниципальных образований т.н. «первого уровня»: муниципальных районов, муниципальных и городских округов, внутригородских муниципальных образований города федерального значения – в остальных «муниципалитетах» конкурсные комиссии полностью формируются органами местного самоуправления. Хотя данное регулирование на первый взгляд не обеспечивает решающее участие органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления, справедливо отмечается, что в условиях «партийного» контроля над местным представительным органом муниципального образования дает возможность назначения на соответствующую должность любого кандидата, предложенного «сверху» [Пешин, 2020, 12].

В рассматриваемом вопросе интерес представляют не только правовые нормы, ни и их фактическая реализация. Юридическая практика последних лет складывается не в пользу укрепления организационной автономии органов местного самоуправления. Если в 2000-е гг. в абсолютном большинстве муниципальных образований «первого уровня» глава муниципального образования избирался населением напрямую и возглавлял местную администрацию (в 2006 г. – порядка 70% городских округов и 60% муниципальных районов), то к концу 2010-х гг. ситуация изменилась на прямо противоположную (в 2018 г. – менее 10% городских округов и не более 20% муниципальных районов). К 2018 году вышеописанная модель использовалась всего в 13% муниципальных образований «первого уровня». В 31% глава муниципального образования избирался представительным органом из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией. В остальных 56% глава муниципального образования исполнял полномочия председателя представительного органа, тогда как глава местной администрации назначался на должность представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса [Казанцев, Румянцева, 2020, 19-20]. Даже если исходить из сохранения независимости глав муниципальных образований и глав местных администраций от органов государственной власти субъектов Российской Федерации в вышеназванных 87% муниципальных образований, можно констатировать как минимум системную проблему «исключения» населения из процессов формирования тех органов власти, которые концептуально должны быть максимально приближены к нему и к его проблемам.

Разумеется, степень государственного участия в рассматриваемом вопросе может быть намного выше. Дореволюционное законодательство о местном самоуправлении, например, предусматривало единственно возможную модель организации системы как земских, так и городских органов самоуправления. После контрреформ 1890 и 1892 гг. председатели и члены губернских и уездных земских управ, городские головы, товарищи и помощники городских голов, а также члены городских управ в обязательном порядке утверждались в должности либо губернатором, либо министром внутренних дел – более того, при определенных обстоятельствах «коронная администрация» была вправе по своему усмотрению назначать лиц на все вышеперечисленные должности. Тем не менее вряд ли уместно рассматривать подобный опыт организации местного самоуправления в качестве релевантного образца для подражания.

В соответствии с новой редакцией ч. 1 ст. 132 Конституции органы местного самоуправления вводят, а не устанавливают местные налоги и сборы. Здесь следует отметить следующее: во-первых, Конституционный Суд Российской Федерации еще в Постановлении от 21 марта 1997 года №5-П отмечал, что применительно к органам местного самоуправления понятие «установление налогов и сборов» имеет иной юридический смысл нежели самостоятельное определение всех элементов налоговых обязательств, во-вторых, согласно положениям гл. 31 и 32 Налогового Кодекса Российской Федерации, даже при полном отсутствии правотворческой активности со стороны органов местного самоуправления и земельный налог, и налог на имущество физических лиц считаются введенными на территории соответствующего муниципального образования и подлежат уплате по федеральным ставкам в установленные Кодексом сроки.

Важно уточнить, что, несмотря на подобную централизацию, местные налоги являются одним из немногих источников доходов местных бюджетов, на размеры поступлений которого органы местного самоуправления могут оказывать непосредственное, хоть и ограниченное, воздействие посредством правового регулирования. Тем не менее доля доходов от них в структуре собственных доходов местных бюджетов была и остается весьма скромной: порядка 6,3-6,5% в 2012-2013 гг., 7,5-8,4% в 2014-2018 гг., 6,7% в 2019 г. и, наконец, 6,3% в 2020 г. – более того, приведенные данные позволяют констатировать постепенное ее сокращение. В структуре налоговых доходов местных бюджетов их роль, очевидно, более существенна, однако и в этом случае она не является определяющей: порядка 15% в 2012-2013 гг., 17-19% в 2014-2018 гг., 15,8% в 2019 г. и 15,2% в 2020 г. В то же время на протяжении последних десяти лет порядка 45% собственных доходов местных бюджетов формировалось за счет межбюджетных трансфертов. В 2020 году доля последних в структуре собственных доходов местных бюджетов впервые превысила показатель в 50%, составив 51,5%. Такова практическая реализация централизованной модели бюджетного федерализма, установленной федеральным налоговым и бюджетным законодательством, в рамках которой сложно говорить о финансовой самостоятельности местного самоуправления.

Положения ч. 2 ст. 132 и ст. 133 Конституции в новой редакции однозначно признают возможность осуществления органами местного самоуправления делегированных государством полномочий за рамками вопросов местного значения при условии передачи им необходимых для этого материальных и финансовых средств. Передача органам местного самоуправления полномочий по участию в решении отдельных вопросов государственного значения не является чем-то исключительным в контексте отечественной истории местного самоуправления – например, в дореволюционном законодательстве именно такие земские расходы рассматривались в качестве обязательных. Что же касается современности, данная практика также не является экстраординарной – субъекты Российской Федерации обращаются к ней достаточно активно, несмотря на заметную разницу региональных подходов в составе и количестве передаваемых на муниципальный уровень государственных полномочий. Отражением этого факта является стабильно высокая доля субвенций в структуре межбюджетных трансфертов местным бюджетам, варьирующаяся в течение последних десяти лет в пределах от 40-41% в 2011-2012 гг. до 55-56% в 2016-2017 гг.; в 2020 году она равнялась 49,6%. В общей структуре доходов местных бюджетов доля субвенций составляла соответственно от 21-22% в 2011-2012 гг. до 34-34,4% в 2015-2016 гг.; в 2020 году – 30,6%.

Таким образом, можно констатировать, что все изменения, внесенные в восьмую главу Конституции в 2020 году, являются лишь закреплением сложившихся на протяжении последних

лет доктринальных позиций и юридических механизмов. Императивный, централизованный подход к территориальной, организационной и финансовой основам местного самоуправления оформился задолго до 2020 года, и на момент внесения изменений в Конституцию уже был устоявшейся нормой. В этом отношении рассматриваемая муниципальная реформа несопоставима ни с земской и городской контрреформами 1890-х годов, ни с принятием в 2003 году действующего Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» – нет никаких оснований говорить о качественно новом этапе развития местного самоуправления. Более того, содержащиеся практически во всех рассмотренных новеллах отсылки к федеральному законодательству сформулированы диспозитивным образом, без конкретных предписаний законодателю, что не позволяет говорить и о закреплении статуса-кво в сфере местного самоуправления на долгосрочную перспективу – с формально-юридической точки зрения конституционные предписания не содержат препятствий для проведения политики децентрализации. Наконец, не следует забывать про то, что сохраняют юридическую силу и статья 12 Конституции, и те правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, в которых он «вставал на защиту» института местного самоуправления.

Заключение

Как представляется, единственное возможное предназначение рассмотренных поправок в контексте всего вышесказанного и заключалось в закреплении в Конституции фактических результатов развития института местного самоуправления на 2020 год. Разумеется, подобный подход не является чем-то исключительным в практике конституционного строительства, а концепция «реальной» конституции имеет немало сторонников. Сложно отрицать, что действующее законодательство о местном самоуправлении все сильнее расходилось с ценностями и принципами, закрепленными в прежней редакции главы восьмой Конституции, хоть формально и не противоречило им. Тем не менее, если в прежнюю редакцию упомянутой главы можно было рассматривать в качестве некоего прогрессивного политико-правового ориентира, каркаса для будущего государственно-правового строительства, то в новой ее редакции программная функция конституционных положений фактически сведена на нет. В связи с этим можно предположить, что содержание недавно анонсированного нового закона о местном самоуправлении вряд ли вступит в противоречие с вышеописанными подходами и тенденциями или принесет что-либо принципиально новое в и без того непростую судьбу данного института.

Библиография

1. Авакьян С.А. Структура публичной власти в России: проблемы формирования и развития // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4 (33). С. 7-13.
2. Бабичев И.В. Конституционные новеллы для местного самоуправления: некоторый анализ // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 2. С. 51-57.
3. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 №1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации».
4. Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных

- отношений в субъектах Российской Федерации за 2011 – 2020 гг. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/monitoring_results/Monitoring_local/results/
5. Казанцев К.И., Румянцева А.Е. От избрания к назначению. Оценка эффекта смены модели управления муниципалитетами в России. М., 2020. 67 с.
  6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
  7. Кравец И.А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). Новосибирск, 2002. 360 с.
  8. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть 2): федер. закон от 05 августа 2000 г. № 117-ФЗ.
  9. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ.
  10. Пешин Н.Л. Конституционная реформа местного самоуправления: новая (старая) модель соотношения государственной и муниципальной формы публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 6. С. 10-15.
  11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 марта 1997 г. №5-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 2 статьи 18 и статьи 20 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года “Об основах налоговой системы в Российской Федерации”».
  12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 1998 г. №3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года “Об органах исполнительной власти в Республике Коми”».
  13. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 марта 2011 г. №2-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 4 части 1 статьи 16 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” в связи с жалобой муниципального образования – городского округа “Город Чита”».
  14. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 01 декабря 2015 г. №30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области “Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы».
  15. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 05 июля 2017 г. №18-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 40 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации” в связи с жалобой администрации муниципального образования городской округ город Сибай Республики Башкортостан».
  16. Чиркин В.Е. Публичная власть в современном обществе // Журнал российского права. 2009. № 7 (151). С. 3-13.

Local government and constitutional amendments: was it a reform?

Dmitrii O. Tarabara

Graduate Student,
National Research Tomsk State University,
634050, 36, Lenina ave., Tomsk, Russian Federation;
e-mail: tarabara@list.ru

Abstract

Within the constitutional reform of 2020 there were plenty of changes to chapter eight of the Constitution of the Russian Federation. This fact, at first glance, gives a reason to speak about a qualitatively new stage of municipal reform in Russia. However, is this statement substantiated? An analysis of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the provisions of the legislation of the pre-reform period, as well as the actual development trends of

local self-government until 2020 leads to an opposite conclusion. All of significant amendments to the Constitution concerning the local self-government, its territorial, organizational and financial foundations (even the main one about the unified public authority system), only reproduce previously established approaches and practices. There is almost nothing future-oriented in their content, that allow us to conclude that there probably wouldn't be any fundamental changes in the regulation of the researched institution in the nearest years. It seems that the only possible purpose of the considered amendments in the context of all of the above was to enshrine in the Constitution the actual results of the development of the institution of local self-government for 2020. Of course, such an approach is not something exceptional in the practice of constitutional construction, and the concept of a "real" constitution has many supporters.

For citation

Tarabara D.O. (2021) Mestnoe samoupravlenie i popravki k Konstitutsii: k voprosu o soderzhanii reformy [Local government and constitutional amendments: was it a reform?]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 11 (10A), pp. 291-299. DOI: 10.34670/AR.2021.15.59.037

Keywords

Constitution, reform, local self-government, state, public authority, local budget.

References

1. Avak'yan S.A. (2018) Struktura publichnoi vlasti v Rossii: problemy formirovaniya i razvitiya [The structure of public power in Russia: problems of formation and development]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 4 (33), pp. 7-13.
2. Babichev I.V. (2021) Konstitutsionnye novelly dlya mestnogo samoupravleniya: nekotoryi analiz [Constitutional Novels for Local Self-Government: Some Analysis]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2, pp. 51-57.
3. Chirkin V.E. (2009) Publichnaya vlast' v sovremennom obshchestve [Public authority in modern society]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 7 (151), pp. 3-13.
4. *Informatsiya o rezul'tatakh provedeniya monitoringa ispolneniya mestnykh byudzhetrov i mezhhbyudzhethnykh otnoshenii v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii za 2011 – 2020 gg.* [Information on the results of monitoring the execution of local budgets and interbudgetary relations in the constituent entities of the Russian Federation for 2011-2020]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/monitoring_results/Monitoring_local/results/
5. Kazantsev K.L., Rummyantseva A.E. (2020) *Ot izbraniya k naznacheniyu. Otsenka effekta smeny modeli upravleniya munitsipalitetami v Rossii* [From election to appointment. Assessment of the effect of changing the management model of municipalities in Russia]. Moscow.
6. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniya 01.07.2020)* [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during a nationwide vote on 01.07.2020)].
7. Kravets I.A. (2002) *Formirovanie rossiiskogo konstitutsionalizma (problemy teorii i praktiki)* [Formation of Russian constitutionalism (problems of theory and practice)]. Novosibirsk.
8. *Nalogovyi kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' 2): feder. zakon ot 05 avgusta 2000 g. № 117-FZ* [Tax Code of the Russian Federation (Part 2): Feder. Law of August 05, 2000 No. 117-FZ].
9. *Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 06 oktyabrya 2003 g. № 131-FZ* [On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation: Feder. Law of October 6, 2003 No. 131-FZ].
10. Peshin N.L. (2020) Konstitutsionnaya reforma mestnogo samoupravleniya: novaya (staraya) model' sootnosheniya gosudarstvennoi i munitsipal'noi formy publichnoi vlasti [Constitutional reform of local self-government: a new (old) model of correlation between state and municipal forms of public authority]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 6, pp. 10-15.
11. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 21 marta 1997 g. №5-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenii abzatsa vtorogo punkta 2 stat'i 18 i stat'i 20 Zakona Rossiiskoi Federatsii ot 27 dekabrya*

- 1991 goda “*Ob osnovakh nalogovoi sistemy v Rossiiskoi Federatsii*”» [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 21, 1997 No. 5-P In the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 2 of paragraph 2 of Article 18 and Article 20 of the Law of the Russian Federation of December 27, 1991 “On the foundations of the tax system in the Russian Federation”].
12. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 15 yanvarya 1998 g. №3-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti statei 80, 92, 93 i 94 Konstitutsii Respubliki Komi i stat'i 31 Zakona Respubliki Komi ot 31 oktyabrya 1994 goda “Ob organakh ispolnitel'noi vlasti v Respublike Komi”»* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated January 15, 1998 No. 3-P On the case of checking the constitutionality of Articles 80, 92, 93 and 94 of the Constitution of the Komi Republic and Article 31 of the Law of the Komi Republic dated October 31, 1994 “On executive authorities in the Komi Republic”].
  13. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 29 marta 2011 g. №2-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniya punkta 4 chasti 1 stat'i 16 Federal'nogo zakona “Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii” v svyazi s zhaloboi munitsipal'nogo obrazovaniya – gorodskogo okruga “Gorod Chita”»* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 29, 2011 No. 2-P In the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 4 of part 1 of Article 16 of the Federal Law On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation in connection with the complaint of the municipal formation, urban district City of Chita].
  14. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 01 dekabrya 2015 g. №30-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti chastei 4, 5 i 5.1 stat'i 35, chastei 2 i 3.1 stat'i 36 Federal'nogo zakona “Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii” i chasti 1.1 stat'i 3 Zakona Irkutskoi oblasti “Ob otdel'nykh voprosakh formirovaniya organov mestnogo samoupravleniya munitsipal'nykh obrazovaniy Irkutskoi oblasti” v svyazi s zaprosom gruppy deputatov Gosudarstvennoi Dumy»* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 01, 2015 No. 30-P In the case of checking the constitutionality of parts 4, 5 and 5.1 of Article 35, parts 2 and 3.1 of Article 36 of the Federal Law On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation And part 1.1 of article 3 of the Law of the Irkutsk region On certain issues of the formation of local self-government bodies of municipalities of the Irkutsk region in connection with the request of a group of deputies of the State Duma].
  15. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 05 iyulya 2017 g. №18-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti 2 stat'i 40 Federal'nogo zakona “Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii” v svyazi s zhaloboi administratsii munitsipal'nogo obrazovaniya gorodskoi okrug gorod Sibai Respubliki Bashkortostan»* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 05, 2017 No. 18-P In the case of checking the constitutionality of part 2 of Article 40 of the Federal Law On Education in the Russian Federation in connection with the complaint of the administration of the municipal formation of the urban district of the city of Sibay of the Republic of Bashkortostan].
  16. *Zaklyuchenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 16 marta 2020 №1-Z «O sootvetstvii polozheniyam glav 1, 2 i 9 Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii ne vstupivshikh v silu polozhenii Zakona Rossiiskoi Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii “O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoi vlasti”, a takzhe o sootvetstvii Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii poryadka vstupleniya v silu stat'i 1 dannogo Zakona v svyazi s zaprosom Prezidenta Rossiiskoi Federatsii»* [Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 16, 2020 No. 1-3 "On the compliance with the provisions of Chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation of the provisions of the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation On improving the regulation of certain issues of organization and the functioning of public authorities, as well as on the compliance of the Constitution of the Russian Federation with the procedure for the entry into force of Article 1 of this Law in connection with the request of the President of the Russian Federation].